

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

К ПРОБЛЕМЕ НОРМЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Как известно, развитие языка находится под постоянным воздействием экстралингвистических факторов; влияние этих факторов особенно усиливается в период общественных и социально-культурных сдвигов. Наиболее чутко реагирует на данное влияние лексический ярус языка. Экстралингвистическое воздействие на язык возрастает в современных условиях, в эпоху научно-технического прогресса. Об этом свидетельствуют работы, посвященные исследованию развития лексики современного русского языка ¹.

Усвоение литературным языком новых слов, изменение и перераспределение значений, подчиняясь действующим нормам языка, в то же время изменяет самое норму и в количественном, и в качественном отношении. Р. А. Будагов пишет: «...возникновение новых дифференциальных признаков на любом ярусе языка, в любой его сфере, приводит не к уменьшению, а к увеличению числа категорий, форм, слов, которыми оперирует язык. Подобные единицы бывают не только количественными, но гораздо чаще качественными (число значений и оттенков значений)» ². Следует также принять во внимание, что вычленение отдельного изменения в системе языка на том или другом его ярусе в значительной степени условно, так как изменение на одном языковом уровне может вызвать изменение на другом уровне ³.

Нормативные сдвиги только тогда становятся нормативными, когда они усваиваются системой литературного языка в его функциональных разновидностях. Соотношение нормативности и функционального расчленения литературного языка ⁴ меняется исторически.

Динамическая подвижность нормы с наибольшей наглядностью и очевидностью обнаруживается в русском языке в его современном состоянии. Для каждой конкретной исторической эпохи развития русского языка категория нормы проявляется специфически. Ф. П. Филин, устанавливая непосредственную связь категории нормы с историческим раз-

¹ См., например: «Русский язык в современном мире», М., 1974, стр. 168 и сл.

² Р. А. Б у д а г о в, Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка?, ВЯ, 1972, 1, стр. 21.

³ Так, например, К. С. Горбачевич связывает семантические процессы с акцентными, морфологическими и синтаксическими явлениями, ср.: «Нивелирующее влияние речевого стандарта проявляется при конкуренции акцентных, морфологических и синтаксических вариантов слов... Стремление к дифференциации, действительно сопутствующее варьированию, в современном языке, как правило, ведет не к смысловому размежеванию, а к установлению лишь предпочтительного употребления, функциональному своеобразию вариантов» [К. С. Г о р б а ч е в и ч, Литературно-традиционные нормы и речевой стандарт в современном русском языке, в кн.: «Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах (тезисы)», М., 1974, стр. 32—33].

⁴ См. об этом: Р. А. Б у д а г о в, Литературные языки и языковые стили, М., 1967; Н. Н. С е м е н ю к, Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка, М., 1972; М. Н. К о ж и н а, К основаниям функциональной стилистики, Пермь, 1968; Ф. П. Ф и л и н, О структуре современного русского литературного языка, ВЯ, 1973, 2.

витием литературного языка, указывает: «Постоянное внимание исследователей к языковой норме помогает правильному освещению истории того или иного литературного языка»⁵. Если за точку отсчета принимать современное состояние языка и идти «в глубь веков», то основные вехи нормативных изменений устанавливаются во взаимосвязи с главными этапами развития функциональной системы русского языка. Каждая эпоха имеет свои особенности и тенденции в развитии литературного языка; по-разному сочетаются, скрещиваются и взаимовлияют факторы экстралингвистического порядка и факторы собственно языкового литературного изменения. По-разному сказывается влияние художественного стиля, индивидуального стиля автора и в то же время по-разному претворяются в индивидуально-стилевом стиле общие и частные тенденции преобразования литературного языка. Наконец, различна роль разных функциональных стилей в становлении литературного языка.

Однако безразлично к тому или другому периоду категория нормы определяла обращение к той или иной функциональной разновидности языка при литературном изложении⁶.

Если обратиться к русскому литературному (или книжно-литературному, как его чаще называют) языку старшего периода (XI—XIV вв.), то одна из основных особенностей его нормативности характеризовалась традиционностью генетических связей со старославянской письменностью и через их посредство с греческими текстами. Это обеспечивало семантическую и стилевую стабильность книжно-литературного изложения⁷.

Общая устойчивость литературного языка на семантическом уровне проявляется в том, что слово в одном и том же значении употребляется в памятниках, относящихся и к XI, и к XII, и к XIII, и к XIV вв. Это, в первую очередь, относится к словам широко употребительным, использование которых наблюдается в памятниках самых разных жанров, в текстах и переводных, и оригинальных. Таково, например, употребление слова *бремя* в значении «ноша, кладь», *величие* в значении «высокое достоинство, слава», *двор* в значении «хозяйство (с людьми, с домом и нежилыми постройками)», *достать* в значении «приготовиться, собраться», *дружина* в значении «близкие слуги князя, составлявшие его постоянное войско», *жестокый* в значении «крепкий, твердый, жесткий», *живот* в значении «жизнь», *земля* в значении «народ какой-н. страны, люди, населяющие страну», *зло* в значении «беда, несчастье», *казать* в значении «приказывать, велеть», *крамола* в значении «междоусобная война, длительный военный раздор близких людей, народов» и т. д. Примеры могут быть продолжены⁸.

⁵ Ф. П. Ф и л и л, О языковой норме, в кн.: «Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах», стр. 3.

⁶ Функциональная сторона древнерусского языка рассматривается Р. И. Аванесовым в плане сопоставления со строем языка: «История книжно-письменного (позднее литературного) языка состоит из двух дисциплин: истории строя языка и истории его употребления, функционирования. Если первая строится в соответствии с отдельными уровнями строя языка (фонология, флексия, лексикология и т. д.), то вторая члениится по своим специфическим, чисто стилистическим, функциональным критериям, причем каждый ее отдел охватывает явления любых уровней системы языка. Первая — дисциплина по преимуществу структурная; вторая, непосредственно определяемая историей жанрово-стилистической дифференциации языка, значительно дальше выходит за рамки изучения языка как структуры и широко обращается... к внеязыковым факторам» (Р. И. А в а н е с о в, К вопросам периодизации истории русского языка, в кн.: «Славянское языковедение. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1973, стр. 17—18).

⁷ Это не противоречит тому факту, что древнерусский язык характеризовался сильной диалектной раздробленностью.

⁸ См.: «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“», сост. В. Л. Виноградова, М.—Л., 1—1965, 2—1967, 3—1969, и др.

Вследствие этого свойства семантической стабильности лексики становится возможным составление единого словаря древнерусского языка в широких хронологических пределах XI—XIV вв.⁹ Семантическая стабильность может быть установлена бесспорно в том случае, если слово имеет достаточно частотное употребление в данном значении, прослеживаемое на протяжении всего указанного периода. Что касается менее частотных слов, то констатация факта их использования в том или другом значении на более ограниченном временном отрезке не может считаться объективным показателем их семантической устойчивости.

Чем же объясняется устойчивость значения слова в древнерусском языке? Для анализа причин семантической стабильности представляется весьма перспективной концепция Д. С. Лихачева о литературном этикете Древней Руси. Опираясь на наблюдения В. О. Ключевского и А. С. Орлова над постоянным употреблением ряда формул в агиографических текстах («житийные формулы») и воинских повестях («воинские формулы»), Д. С. Лихачев обобщает эти наблюдения и особо подчеркивает, что указанные формулы «постоянно встречаются вне житий и вне воинских повестей, например, в летописи, хронографе, в исторических повестях, даже в ораторских произведениях и посланиях. И это весьма важно, ибо не жанр произведения определяет свой выбор выражений, выбор «формул», а предмет, о котором идет речь. Именно предмет, о котором идет речь, является сигналом для несложного подбора требуемых литературным этикетом трафаретных формул»¹⁰.

Вопрос о языковой характеристике ситуативной формулы в цитируемой работе не получает однозначного разрешения. С одной стороны, при перечислении главных признаков литературного этикета указывается и признак языковой, ср.: «Он (литературный этикет.— Н. М.) слагается: 1) из представлений о том, как должен совершаться тот или иной ход событий, 2) из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению, и 3) из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся»¹¹. С другой стороны, напротив, связь между ситуативной формулой и ее языковым выражением как будто устраняется, ср.: «Это трафарет ситуации, а не словесного ее выражения. Словесное выражение этого трафарета может быть различным, точно так же как и различных других трафаретов в описании собирания, выступления войска и нападения, в описании жизни святого — его рождения от благочестивых родителей, удаления в пустыню, подвигов, основания монастыря, благочестивой смерти и посмертных чудес»¹².

⁹ Разумеется, проблема лексико-семантической стабильности еще требует своего специального освещения и разрешения на большом материале. Данный вопрос ставится Р. А. Будаговым в рецензии на «Проект словаря древнерусского языка XI—XIV вв.». «Весь вопрос в том, как понимать одну синхронную эпоху в жизни языка. Можно ли считать русскую лексику XI—XIV вв. лексикой „одной эпохи“? Авторы „пробного выпуска“ говорят о развитии словаря в эти столетия, следовательно, они учитывают его историческое движение. В этом случае логически последовательная группировка различных значений внутри отдельных слов по принципу „тесноты смысловой связи“ между значениями (стр. 80) часто приходит в столкновение с реальным функционированием слов в реальной жизни конкретного языка определенной эпохи. Известно, что историческая группировка значений нередко оказывается не только сложнее, но и менее последовательной по характеру наращивания значений, чем группировка, основанная на чисто логическом принципе — от более близкого к менее близкому» (Р. А. Б у д а г о в, Человек и его язык, М., 1974, стр. 191).

¹⁰ Д. С. Л и х а ч е в, Литературный этикет древней Руси, ТОДРЛ, XVII, М.—Л., 1961, стр. 6.

¹¹ Там же, стр. 11.

¹² Там же, стр. 8. Эта же мысль повторяется автором и в работе «Система литературных жанров древней Руси» (см.: «Славянские литературы. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1963, стр. 50).

Само понятие трафарета предусматривает сходное смысловое содержание, единую смысловую основу. Это тем более неизбежно для ситуативного трафарета древней Руси, где осмысление событий, фактов действительности, характеристик личностей, ассоциаций с ветхо- и новозаветными сюжетами происходило через одну и ту же призму — через призму христианской догматики. Следовательно, и языковая форма ситуативного трафарета, единообразного по смыслу и содержанию, может иметь только такие отклонения, которые не изменяют ни смысла, ни содержания. Таким образом, выбор слов, на которые падает смысловая нагрузка, может колебаться между лексемами, сходными в своей понятийной основе, т. е. семантически близкими или тождественными. Это означает, что существовал некий трафарет языкового выражения с теми или другими возможными вариантными отклонениями.

Один из приемов лингвистического исследования ситуативных формул предлагается О. В. Твороговым: «Мы должны рассматривать в первую очередь традиционные ситуативные формулы (т. е. сходные по выбору фактов и композиции описания, фрагменты характеристик и т. п.), а затем изучать различные варианты словесных штампов (устойчивых словосочетаний), входящих в состав этих формул. Далее мы обозначаем термином „устойчивая литературная формула“ только ситуативную формулу, а входящие в ее состав устойчивые словесные штампы называем „устойчивыми словосочетаниями“. Такое разграничение совершенно необходимо, так как устойчивые литературные формулы довольно инертны, тогда как обслуживающие их устойчивые словосочетания, напротив, время от времени сменяются другими, отражая литературную манеру автора, редактора, школы и т. д.»¹³. Указанный подход, вероятно, может оказаться весьма целесообразным при изучении фразеологии древнерусского языка, но к исследуемым особенностям литературного изложения он имеет лишь косвенное отношение. Не говоря уже о том, что вариантность в устойчивых сочетаниях имеет особый характер и отличается от вариантности слов в свободных сочетаниях, следует учитывать и другой момент, а именно: то или другое устойчивое сочетание, характерное для одной формулы, может оказаться употребительным и вне ее. Так, например, устойчивое сочетание *святое крещение* очень часто применяется в ситуативной формуле, используемой при констатации рождения или смерти князя, ср.: «родися у Всеволода князя великаго снъ. и нарекоша имя ему в стъмь крщнии Борисъ» (ЛЛ 137); «преставися кня(з) Володимер. наре(ч)нии в стъмь крщнии Дмитрии» (ЛЛ 155)¹⁴. Вместе с тем данное сочетание используется и при обращении к другим ситуациям, например: «Въсприялъ есмь святое крещение о(т) Грецьскаго царя» (Церк. Уст. Влад. по Син. сп.); «Крещение же святое творити сице»

¹³ О. В. Творогов, Задачи изучения литературных формул древней Руси, ТОДРЛ, XX, М.—Л., 1964, стр. 32.

¹⁴ В данной статье приняты следующие сокращения: ЛЛ — Лаврентьевская летопись 1377 г. по кн.: ПСРЛ, I, 1—2, М., 1961; ЛЙ — Ипатьевская летопись ок. 1425 г. по кн.: ПСРЛ, II, М., 1962; ЛН — Летопись Новгородская (первая) по синодальному списку XIII—XIV вв. по кн.: «I Новгородская летопись по синодальному харатейному списку», изд. Археогр. комиссии, СПб., 1875; ГА — Книги временных и образных Георгия Мниха по кн.: В. М. Истрин, Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, I — Текст, Пг., 1920; СкБГ — Сказание о Борисе и Глебе по Успенскому сборнику XII в. по кн.: «Сборник XII в. Московского Успенского собора» I, под ред. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова, М., 1899 («Чтения ОИДР», кн. II); ЧтБГ — Чтение о Борисе и Глебе, написанное Нестором в конце XI в. по списку Сильвестровского сборника XIV в. по кн.: И. И. Срезневский, Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века, СПб., 1860; Пч — Пчела XIV в. по кн.: В. Семенов, Древнерусская пчела, Сб. ОРЯС, LIX, 4, 1893; МолИлар — Каноник XIV в. ГБЛ, ф. 394 (Гр.-Серг.), № 254.

(Киир. м. посл. Пск. дух. д. 1395 г.)¹⁵. Таким образом, характерность устойчивого сочетания для конкретной формулы не предполагает обратной зависимости, т. е. характерности данной формулы как контекста употребления для данного сочетания. При вычленении устойчивых сочетаний теряется специфика ситуативной формулы как приема литературного изложения.

Подчеркивая инертность ситуативной формулы и противопоставляя ее большей подвижности устойчивых сочетаний, О. В. Творогов допускает смещение двух качественно различных категорий: категории содержания и категории отдельной языковой единицы, имеющей лишь частное отношение к выражаемому в формуле содержанию.

Нужно принять во внимание и то, что степень устойчивости сочетаний в древнерусском языке в целом была значительно большей, нежели в современном, но при этом допускала большую лексическую и грамматическую вариативность. Подобные сочетания могут выделяться и безотносительно к устойчивым формулам, однако обязательной для них является опора на семантическое сходство. Так, значение «следовать определенным правилам, подражать кому-л. в образе жизни, образе мышления» могло выражаться различными сочетаниями, опорным словом которых является существительное *путь*, ср.: «взищете мене зли и не обрящете не всхотѣша бо ходити по путемъ мой(мъ)» (ЛЛ 57); «Да не прельстятъ тебе мужи неч(ѣ)твии, не ходи в путь с ними» (Пч 1); «снѣе его Йоиль и Авия не шествующе путемъ его и въ добродѣтели его» (ГА 806); «Улии же, събравъся съ еретики, еретикомъ на путь своихъ оѣъ шествоваше» (ГА 232г).

Более целесообразным представляется такое изучение ситуативной формулы, при котором выделяются некоторые единства (отдельные предложения или несколько предложений, объединенных смысловой связью), передающие идентичное содержание, которые рассматриваются по параметрам языкового сходства и различия безотносительно к признаку устойчивости или свободы сочетаний их составляющих. Наиболее типовые, т. е. наиболее регулярно повторяющиеся, единства могут классифицироваться как маркированные по отношению к той или другой формуле. Так, например, ситуативная формула, используемая при описании убийства князя, обычно содержит сравнительный оборот со словом *звѣрь*. В языке летописей употребление этого оборота отмечено и в описании убийства Бориса: «и се нападоша акы звѣрье дивии около шатра и насунуша и копыи и прободоша Бориса» (ЛЛ 46); и в описании убийства князя Андрея: «вземьше оружье яко звѣрье дивии. пришедшимъ имъ к ложници. идеже блѣжныи князь Андрѣи лежить» (ЛИ 207); изложение этого же факта в том же самом памятнике содержит указанное сравнение в несколько измененном виде: «поидоша на нь яко звѣрье свѣрьпии» (ЛИ 207). Данное сравнение применяется и при описании убийства князя Игоря: «они же устрьмиша(ѣ) на нь яко звѣрье свѣрьпии» (ЛИ 128об.); и при убийстве князя Всеволода татарами: «онъ же яко свѣрьпии звѣрь не пощади уности его. велѣпредъ собою зарѣзати» (ЛИ 263об.); и при убийстве князя Михаила: «Батыи же яко свѣрьпии звѣрь възъряися повелѣ [и] заклати» (ЛИ 267об).

Выражая часть ситуативной формулы, рассматриваемое сравнение употребляется и в церковных текстах, излагающих обстоятельства гибели князей, «невинно убиенных». Так, оно отмечается в языке Паремийника 1271 г.: «и се нападоша аки звѣрие и прободоша блѣжнаго бориса» (262, то же Пролог 1383 г. 123 а—б). Сравнения с указанным существительным

¹⁵ Два последние контекста приведены по изд.: И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, I, СПб., 1893, стлб. 1350.

связываются прежде всего с фактом нападения, измены. Примечательно, что в языке летописей при описании военных действий используется главным образом сравнение *аки (акы) борове велиции*, применяемое по отношению к неприятельским военным силам. Здесь нет той экспрессивности, которая присуща сравнениям со словом *звѣрь*. Как элемент литературного изложения ситуативная формула сравнения со словом *звѣрь* не только передает оценку события, подчиненную моральному кодексу христианства, но в значительно большей степени отражает историческое общественно устоявшееся отношение к объекту (факту, событию, лицу). Как явствует из приведенных примеров, в данных конструкциях могут употребляться семантически близкие слова: *напасти — поити (на) — устрѣмитися (на)*; *дивии — звѣрьнии*. О традиционности употребления указанных конструкций в составе ситуативных формул свидетельствует тот факт, что они используются на протяжении веков: их употребление отмечено в составе летописных статей под 1015 г., 1175 г., 1237 г., 1245 г.

Ситуативная формула может применяться не только при описании обстоятельств и характеристик, но и при констатации (факта, даты). Так, например, в военных ситуативных формулах выделяются контексты, констатирующие исход сражения. Здесь наблюдается регулярное употребление конструкций, указывающих на результат военных действий, ср.: «и ту взя полонъ многъ» (ЛЛ 96об.); «и тако възвратишася со много (м̃) полоно(м̃)» (ЛЛ 99); «и вземъ полонъ многъ» (ЛЛ 100); «и многъ полонъ взяша» (ЛЛ 100об.); «они възвратишася со многы(м̃) полоно(м̃)» (ЛЛ 135); «полонь многъ плѣниша» (ЛЛ 164 об.); «и придоша в Русь с полоно(м̃) великы(м̃)» (ЛЛ 94); «и полонъ многъ взялъ» (ЛЛ 165об.); «и взя плѣнь великъ» (ЛЛ 249); «князь же Даниль прия великъ плѣнь» (ЛЛ 259об.); «и великъ плѣнь прия обратися во Владимѣрь» (ЛЛ 260об.); «вземше полонъ великъ» (ЛЛ 262); «Даниль же возма плѣнь многъ вратися» (ЛЛ 267); «великъ плѣнь прияша» (ЛЛ 268 об.); «приемше плѣнь великъ» (ЛЛ 274об.); «взя полонъ великъ» (ЛЛ 275об.) и т. д.

Приведенные конструкции, характерные для языка летописей, своим содержанием констатируют два факта: 1) возвращение домой после сражения; 2) многочисленность пленных. Как постоянная единица в данном случае употребляется *плѣнь/полонъ* (в двух огласовках). В ряде случаев констатируется только второй факт; передается он посредством сочетания указанной лексики с глаголами *възяти* и *пряти*. В других случаях констатация многочисленного «полон» выступает как дополнительная характеристика возвращения после победы; в таких конструкциях используются глаголы *прити* и *възратитися (обратитися)* с предложным именным сочетанием. В качестве варианта к *пряти* и *възяти* может использоваться и однокорневой с существительным глагол *плѣнити* («полонъ многъ плѣниша» ЛЛ 164 об.). В качестве определения к существительному *плѣнь/полонъ* выступают синонимичные прилагательные *многъ* и *великъ* в тождественном значении «многочисленный». Вариантностью в приведенных примерах создается предпочтительным употреблением одного из этих двух определений в сочетании с полногласной или неполногласной формой существительного: прилагательное *великъ (великыи)* главным образом относится к существительному в неполногласной форме (*плѣнь*), тогда как прилагательное *многъ (мъногыи)* обычно определяет полногласную форму (*полонъ*).

К констатирующим формулам можно отнести и конструкции, обозначающие хронологию светских и церковных событий. Здесь могут употребляться названия дней недели, церковных праздников, дат, связанных с именем святого. Ср.: «въ днь стго Николы» (СкБГ 21г); «внидох(м̃) на стго Бориса днь ис Чернигова» (ЛЛ 82); «бѣ же въ стую недѣлю» (СкБГ 116); «и

бывшую дѣи стѣо въскр(с)нѣя Г(с)нѣя» (ЛЛ 151). Вариантность в данных обозначениях создается возможностью пропуска слова *дѣнь* — своего рода лексико-семантическим стяжением, при котором непосредственным обозначением времени становится сочетание «*святѣи + имя собственное*», ср.: «Бы(с) пожаръ во Володимери городѣ (...) в канунъ стою мѣ(ѣ)у Бориса и Глѣба» (ЛЛ 138об.). Хотя данные обозначения характерны для оригинальных древнерусских текстов без какого бы то ни было жанрово-стилистического ограничения¹⁶, своим корнями они уходят в византийскую традицию, ср.: «Церковные праздники рассматривались как основные веки времени, как границы погодных периодов, как определяющие пункты начала и конца сельскохозяйственных работ — и тем самым человеческая жизнь как бы втягивалась в религиозный ритм»¹⁷.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что языковое выражение ситуативных формул было весьма сходным. В одних случаях могла видоизменяться грамматическая форма, в других — порядок слов (типа *вземъ полонъ многъ — многъ полонъ взяша*), в третьих одно слово заменялось другим, тождественным или близким по значению, — но все эти варианты колебания находились в пределах, допускаемых системой древнерусского языка, и имели аналогии вне данной ситуативной формулы¹⁸. Однако в любом случае смысл и содержание ситуативного контекста оставалось неизменным. Норма древнерусского книжно-литературного изложения требовала регулярного воспроизведения языковых единиц, употребление которых было обусловлено характером и стилем контекста, чаще всего ситуативного.

Как нам представляется, именно языковое постоянство ситуативной формулы в целом служило одной из причин семантической стабильности древнерусской лексики. Существовала определенная соотношенность контекста и значения слова, специфическая для древнерусского периода. Слово закреплялось за контекстом в одном из своих значений; в то же время ситуативный контекст существовал как готовое клише — своим содержанием, своей целевой направленностью он уже определял семантику той или другой лексемы.

Трафарет ситуативной формулы лежит в общем русле традиционности древнерусского книжно-литературного изложения, ср.: «Средневековый книжник... вменял себе в заслугу писать именно так, как писали об этом предмете его авторитетные предшественники, и чем ближе мог он следовать своим образцам, тем выше ценилось его мастерство»¹⁹.

Опора на авторитет, прежде всего авторитет, освященный церковью, пронизывает книжно-литературный язык старшего периода. Она сказыва-

¹⁶ Исследователи отмечают, что названия церковных праздников для обозначения времени и сроков событий использовались и в языке грамот. См.: Г. А. С е л и в а н о в, Фразеология новгородских договорных грамот XIII—XIV вв. АҚД, Саратов, 1953, стр. 18; Т. Ф. А л е к с е е в а, Лексика и фразеология южнорусских грамот XIV—XV вв. АҚД, М., 1956, стр. 10.

¹⁷ А. П. К а ж д а н, Византийская культура, М., 1968, стр. 104.

¹⁸ На языковую стабильность древнерусских контекстов указывает и В. В. Колесов, рассматривая некоторые особенности произведений Аввакума: «у Аввакума нет жанра со свойственным этому жанру стилем — у него есть контекст, который каждый раз требует своего лексического варианта. Принцип художественной речи Аввакума в целом продолжает древнерусскую традицию с ее безразличием к стилистической цельности текста, но с чрезвычайным вниманием к каждому отдельному фрагменту, который можно переставить местами или вынести в другой текст, но обязательно в том же словесном оформлении» (В. В. К о л е с о в, Лексическое варьирование в литературном языке XVII в., «Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков», М., 1974, стр. 136—137).

¹⁹ Т. Н. К а н д а у р о в а, К вопросу о традиционных словосочетаниях-штампах в древнерусских памятниках XI—XIV вв., «Вопросы языкознания и русского языка», М., 1970 («Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 353), стр. 117—118.

вается в многочисленных ссылках, цитатах из ветхо- и новозаветных источников и поучений «отцов церкви», в аналогиях, ассоциациях и уподоблениях древнерусской действительности событиям, излагаемым в священном писании. Весьма показательны в этом отношении сравнительные обороты, имеющие своим источником библейские тексты. Данные обороты выполняли двоякую функцию, и их можно разделить на две разновидности. К первой относятся библейские цитаты, чаще всего в составе поучений, обращенные к пастве вообще, безотносительно к конкретному лицу, например: «аще ли призриши на на (ѿ) яростью г(ѿ)ищезнемъ яко утреняя роса» [МолИлар 55 (Псалтирь 133.3)]. Ко второй относятся библейские цитаты, главным образом в составе летописей и житий, используемые в дан ном случае, по отношению к дан ном у конкретному лицу или факту, например: «неч(ѿ)твья и поганья... проливающа кровь хр(ѿ)-тянскую акы воду» [ЛН 140—140 об. (Псалтирь 78. 3, Плач Иеремии 3.48)]; «тако свѣтѣяса акы двѣ звѣздѣ свѣтлѣ посредѣ темныхъ наричаю же бориса и глѣба [ЧтБГ 86 (Книга пророка Даниила 12.3)]. Заимствования второго типа, на наш взгляд, представляют наибольший интерес. Они служили не только для оценки происходящего. Их идеологическая функция была гораздо значительнее: этим приемом древнерусский автор хотел подчеркнуть ситуативно-тематическое тождество древнерусской действительности и ветхозаветного прошлого, усилить, повысить значимость того или другого события или конкретного лица.

Для древнерусского книжника основным источником ссылок служили греческие канонические тексты. Параллели, устанавливаемые текстологическим сопоставлением, достаточно убедительны²⁰. В аспекте нашего исследования вопрос можно поставить шире и устанавливать не столько контекстное цитирование, сколько усвоение греческой средневековой (византийской) манеры книжно-литературного изложения. А. П. Каждан пишет: «Традиционализм лежал ... в самой основе христианского мировоззрения, и человеческая мысль с самого начала ориентировалась не на творчество, но на преклонение перед авторитетом. „Не люблю ничего своего“, — этот девиз, провозглашенный Иоанном Дамаскином, характерен не для него лично, но для всего средневекового мышления. Апелляция к авторитету казалась в ту пору более существенной, чем апелляция к разуму: в пересказе чужого, но благочестивого сочинения усматривали не плагиат, а немалую заслугу; цитата представлялась наиболее могущественным аргументом в споре»²¹.

Таким образом, стабильность нормы русского языка старшей эпохи определялась целым рядом причин, среди которых оказывались и собственно языковые факторы, и специфика литературного изложения, и генетические связи с византийской канонической литературой.

Но были ли эти факторы достаточными для создания прочного барьера, препятствующего явлениям живой действительности, которые могли бы поколебать установившуюся норму книжно-литературного изложения? Эти явления обычно представляют собой факты общественного, военно-политического, экономического и социально-культурного порядка. Разумеется, в соответствующей временной и общественной модификации такого рода факты были и в древней Руси. Народные возмущения против феодального засилья в Киеве, Новгороде, Полоцке, Смоленске, Галиче Южном, во Владимире на Клязьме являются яркими событиями исторической жизни того времени и свидетельствуют о росте политического

²⁰ См., например: А. А. Шахматов, *Повесть временных лет*, I — Вводная часть. Текст. Примечания, Пг., 1916; Е. М. Вережгин, *Из истории возникновения первого литературного языка славян*, М., 1971—1972.

²¹ А. П. Каждан, указ. соч., стр. 105.

значения древнерусских городов²². Эпоха Древней Руси знаменуется длительной борьбой с враждебными соседями (татаро-монголами, половцами, шведами, немцами, литовцами). В то же время многообразные международные контакты Руси, укрепляемые через дипломатические каналы и поддерживаемые родственными связями, находили особенно широкий выход в торговых отношениях: с арабскими странами, Византией, с Западной Европой (Моравия, Чехия, Польша, Южная Германия)²³.

Таким образом, в эпоху древнерусского книжно-литературного языка не было недостатка в экстралингвистических факторах, способных так или иначе повлиять на самый язык. Однако это влияние в подавляющем большинстве случаев относится к некоторым лексическим заимствованиям, словам, имеющим конкретное значение²⁴. Что же касается воздействия экстралингвистических факторов на собственно книжно-литературное изложение, то в данную эпоху оно не было сколько-нибудь ощутимым. Факт действительности становился фактом книжно-литературного изложения, но при этом явления живой действительности, находя свое отражение главным образом в летописях и грамотах, не оказывали влияния на манеру и стиль этого отражения. Описания сражений, посольских переговоров, городских смут, разделенных подчас не десятилетиями, а веками, производились почти идентичными языковыми средствами.

Данное явление нельзя объяснить исключительно опорой на авторитетность церковно-книжной традиции. Видимо, уже на древнерусской почве сложилась своя традиция — хотя бы в изложении светских событий, — которая базировалась не только на ассоциативной связи факторов, но и на воспроизведении формы изложения этих фактов. Авторитетность «экстралингвистическая» становится тем самым авторитетностью собственно лингвистической и определяет складывание этой традиции, пронизывающей древнерусский язык во всем его функционировании.

Все эти явления, наблюдаемые в книжно-литературном языке, на наш взгляд, обусловлены более общей причиной. Между письменным языком, или, точнее, письменным текстом, и окружающей действительностью не было столь органической и тесной связи, какая возникла впоследствии. Сама сфера создания текста принадлежала к духовной области человеческой деятельности, а духовная область в то далекое от нас время была нечто качественно иное, чем реальная жизнь, в которой человек трудился, воевал, страдал и радовался. Вероятно, в силу этого внешне по отношению к языку факторы и не могли оказывать того воздействия на языковое развитие и языковую норму, какое они оказывали в дальнейшем и оказывают в настоящее время.

²² См. об этом: М. Н. Тихомиров, *Древнерусские города...*, стр. 197—212.

²³ В Регенсбурге в конце XII в. существовала даже «специальная категория купцов, торговавших с Русью, — „рузарии“» (см.: «Очерки истории СССР», ч. 1, М., 1953, стр. 343).

²⁴ См., например: сб. «Тюркизмы в восточнославянских языках», М., 1974. В. Д. Аракин пишет здесь: «...существенную помощь могут оказать критерии экстралингвистические, и в первую очередь учет исторической эпохи, исторических условий, связанных с рассматриваемым словом. Так, появление в русском языке слова *алый* может быть отнесено только ко времени русско-золотоордынских связей, в частности ко второй половине XIII в., когда на Руси появились ханские ярлыки, данные русским князьям и митрополитам, скрепленные красной ханской печатью» (В. Д. Аракин, *Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода*, стр. 114).